

ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСЕМА «РУССКОСТЬ» КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ ОДНОИМЕННОГО КОНЦЕПТА

В статье рассматриваются особенности семантики и функционирования окказиональной лексемы «русскость», которая участвует в языковой объективации концепта «русскость» в русском языке. Анализируются контекстные значения данной лексемы в плане их соответствия или несоответствия выявленным ранее, в процессе анализа словарных источников, фразеологического и паремиологического материала, 29 когнитивным признакам указанного концепта. Материалом для анализа выступают примеры из Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: окказиональная лексема, «русскость», концепт, когнитивные признаки, русский язык

В работе продолжается изложенное нами в предыдущих статьях комплексное лингвокогнитивное описание концептуального содержания и смыслового объема концепта «русскость» в его языковом воплощении по данным современного русского языка. Теоретической основой исследования стали принципы анализа языковой концептуализации мира, изложенные в работах Т.Б. Радбиля [3; 4]. Непосредственно же описание смыслового наполнения концепта и особенностей его языковой объективации основано на методике концептуального анализа в лингвокультурологии, разработанной нижегородскими учеными ННГУ им. Н.И. Лобачевского [1; 2; 6; 7].

Мы с достаточной степенью условности обозначили анализируемый концепт посредством лексического новообразования *русскость*, чтобы придать необходимую для подобных ключевых концептов национального самосознания обобщенность и абстрактность. При этом на первых этапах нашего исследования мы анализировали такие лексемы, как прилагательное *русский* и субстантив *русский*, потому что на интуитивном, эмпирическом уровне исследования было очевидно, что именно они являются базовыми репрезентантами интересующего нас концепта. При анализе лексикографических источников, русского фразеологического и паремиологического материала всего было выявлено 29 когнитивных признаков концепта «русскость» (20 – по данным лексикографических источников, и 9 – по данным фразеологического и паремиологического фонда русского языка). Совокупное смысловое наполнение концепта на этом этапе анализа получило следующий вид:

1. восточнославянский народ, составляющий основное население России
2. представитель восточнославянского народа, составляющего основное население России
3. православный христианин, крещеный в православную веру

4. человеческий
5. имеющий отношение к Руси, к России
6. имеющий отношение к восточнославянскому народу, составляющему основное население России
7. принадлежащий людям – представителям восточнославянского народа, составляющего основное население России
8. находящийся на территории России
9. российский
10. великорусский, в противоположность украинскому и белорусскому
11. относящийся к русскому языку
12. относящийся к русскому национальному характеру
13. относящийся к русскому образу жизни, культуре
14. относящийся к русской истории
15. такой, как у русских, подобный русскому, русским
16. такой, как в России
17. особый медленный или быстрый народный танец (по типу хороводов, импровизационных переплясов, барыни)
18. песня, музыка в ритме особых народных танцев
19. русский язык
20. русский язык как предмет школьного преподавания
21. простой, ясный, понятный, доступный для понимания
22. небрежное, безответственное отношение к чему-либо, обычно присущее русскому человеку
23. (отрицательно-оценочное) нечто нарушающее норму, отклоняющееся от стандарта, неправильное, обычно присущее русскому человеку
24. нечто неопределенное, смутное, нечеткое
25. (положительно-оценочное) нечто имеющее отношение к русским национальным идеалам и ценностям
26. традиционное, в противовес новому, современному
27. изготовленное, приготовленное, сделанное особым, национально-специфичным образом (для вещей, предметов обихода)
28. обозначающее определенную разновидность, род, тип, породу, класс животных, растений, явлений природы, обычные для мест исконного обитания русских
29. (ироничное) русский (российский) предприниматель нового времени.

На следующем этапе анализа, в соответствии с принятой концепцией исследования, необходимо рассмотреть парадигматические, синтагматические и деривационные особенности языковой экспликации исследуемого концепта. В настоящей работе, в частности, предметом исследования является окказиональный дериват *русскость*, который привлек наше внимание тем, что, как оказалось, достаточно активно присутствует в текстах на русском языке, начиная со второй половины XIX века, о чем свидетельствуют данные Национального корпуса русского языка. Непосредственной задачей исследования

является установление соответствия или несоответствия выявленным ранее, в процессе анализа словарных источников, фразеологического и паремиологического материала, 29 когнитивным признакам указанного концепта.

Новообразование *русскость* вполне вписывается в общие тенденции в области инновационных процессов в лексике и словообразовании современного русского языка [5: 134–221]. Его следует квалифицировать как «потенциальное слово», при этом оно создано с нарушением стандартной модели суффиксального словообразования отвлеченных отадъективных существительных с суффиксом *-ость*, так как в норме подобные существительные образуются лишь от качественных прилагательных, а не от относительных, к которым относится исходное слово *русский*. Это представляется крайне важным для оценки семантики неологизма *русскость*, потому что и само это слово, и исходное прилагательное тем самым приобретают качественную семантику и все признаки качества (возможность мыслиться в большей или меньшей степени, приобретать потенциальную экспрессию и оценочность, вступать в новые синонимические и антонимические связи с другими словами с семантикой качества и пр.).

Все это демонстрируют и контексты употребления данного новообразования по материалам Национального корпуса русского языка. Причем примечательно, что некоторые авторы, осознавая искусственность этого новообразования, заключают его в кавычки, тогда как другие просто напрямую используют инновационный потенциал данного неологизма, употребляя его без кавычек. Кроме того, по нашим наблюдениям, авторы употребляют этот неологизм со специальной целью придать словоупотреблению смысловую емкость, при которой данное слово может реализовать не один, а сразу несколько когнитивных признаков.

В следующем примере: «По мнению Добина, в симпатии респондентов к песням военных лет есть некоторая *«русскость»*, это типичная для нашего народа тоска по утраченному: // – Тоска по любимому или любимой, ностальгия – это мотив номер один в русской песне» [«Коллективный. Слова не выкинешь // Русский репортер», 2015], – совмещается когнитивный признак с конкретным значением: (18) песня, музыка в ритме особых народных танцев – и когнитивный признак обобщенно-абстрактного характера, имеющий отношение к духовной составляющей русского мира: (12) относящийся к русскому национальному характеру.

Чисто качественное конкретное («предметное») значение слова *русскость* реализуется в следующем контексте: *Единственная русскость этого хорошего оружия состояла в том, что Россия действительно предпочитала пулемёт Максима и была его особенно ревностной покупательницей* [Эдуард Лимонов. «У нас была Великая Эпоха» (1987)].

Здесь можно видеть проявление когнитивных признаков (15): такой, как у русских, подобный русскому, русским – и (27): изготовленное, приготовленное, сделанное особым, национально-специфичным образом (для вещей,

предметов обихода). Причем ироничность данного словоупотребления и возникающая на фоне этого оценочность связана с тем, что пулемет «Максим» – на самом деле бельгийского производства, но очень хорошо был воспринят на русской почве.

Однако прежде всего *русскость* связана с типичными чертами русского национального характера: «**Русскость** же свою Романовы-Куликовские хранили: ходили в церковь и отмечали все православные праздники» [Эвелина Азаева. «Она просила называть ее просто Ольгой // Комсомольская правда, 2013.08.01].

Здесь, на наш взгляд, можно говорить о комплексном, синкретичном, нерасчлененном характере актуализации пяти когнитивных признаков: (3) православный христианин, крещеный в православную веру; (12) относящийся к русскому национальному характеру; (13) относящийся к русскому образу жизни, культуре; (25) (положительно-оценочное) нечто имеющее отношение к русским национальным идеалам и ценностям; (26) традиционное, в противовес новому, современному.

Причем в разных контекстах на первый план могут выходить разные стороны совокупного русского идеала. Например, в ряде словоупотреблений акцентируется религиозная, православная составляющая концепта «русскость»:

(1) *Это было необходимо, чтобы сохранить свою русскость и не раствориться в окружавшем неправославном мире* [Коллективный. Акт а каноническом общении русских православных церквей: отклики и комментарии // «Наука и религии», 2007];

(2) *Они-то и «составляли лучшую часть верующих нашей страны, именно в них, в предтечах русского протестантства и в самих протестантах, наиболее отчетливо проявилась и русская религиозность, да и сама русскость* [Сергей Филатов, Анастасия Струкова. От протестантизма в России к русскому протестантизму (2003) // «Неприкосновенный запас», 2003.11.11];

(3) *Православие и «русскость» были в моде тогда у столичной интеллигенции, пробавляющейся, так сказать, потаенной духовностью* [Николай Климонтович. Далее – везде (2001)].

В других классах словоупотреблений воплощена идея русского патриотизма, приоритета русских идеалов и ценностей, не обязательно связанная с православным компонентом: Герои западной печати, // Которым **русскость** ни к чему, // Которым родина некстати, // Не по душе, не по уму [Г.А. Глинка. Клеветникам России (1972-1989)].

Здесь, на наш взгляд, можно говорить о нерасчлененной реализации трех когнитивных признаков: (12) относящийся к русскому национальному характеру; (13) относящийся к русскому образу жизни, культуре; (14) относящийся к русской истории.

В подобных контекстах употребления слова *русскость* на первый план выходит положительная оценочность, актуализованная на фоне противопоставления с иными, «нерусскими» идеалами и ценностями:

(1) *Если кто-то очень усиленно начнет акцентировать свою русскость, то появятся те, кто так же начнет акцентировать другое. // А можно узнать – как «очень усиленно акцентировать свою русскость»?*

(2) *Это русские вспомнили про свою русскость, когда «те» начали акцентировать другое и о «русскость» ноги вытирают* [Коллективный. форум: Православие и «Русский марш» (2012)].

Нетрудно заметить, что эти и подобные им контексты акцентируют идею, что многоплановое и многосмыленное содержание русского национального идеала лучше всего описывается предельно абстрактным словоупотреблением *русскость*, которое выступает как символ русского духа вообще, во всех его ипостасях, как воплощение русского мира, русской системы ценностей, как то, что является неотъемлемой сердцевиной всех русских, русского народа, средством национальной идентичности. См., например, такой контекст: *«Да и вообще, – хорошо оживился течению своих мыслей Безлетов, – в наши дни русскость не является достоянием всех, рассеяне растеряли свою русскость* [Захар Прилепин. Санька (2006)].

Здесь, с одной стороны, актуализованы когнитивные признаки первой группы, непосредственно связанные с национальной принадлежностью: (1) восточнославянский народ, составляющий основное население России; (2) представитель восточнославянского народа, составляющего основное население России; (5) имеющий отношение к Руси, к России; (6) имеющий отношение к восточнославянскому народу, составляющему основное население России; (7) принадлежащий людям – представителям восточнославянского народа, составляющего основное население России. С другой стороны, представлены признаки, характеризующие внутренний мир русских, национальный характер и идеал: (12) относящийся к русскому национальному характеру; (13) относящийся к русскому образу жизни, культуре; (25) (положительно-оценочное) нечто имеющее отношение к русским национальным идеалам и ценностям.

Таким образом, становится ясным, почему именно это новообразование *русскость* наилучшим образом подходит для общего обозначения соответствующего концепта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуковская Л.И. Концепт «менталитет / ментальность» в ряду других соотносимых понятий концептуального поля «духовность, духовная деятельность» // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Головина): Сб. статей по материалам Международной научной конференции. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2016. С. 406–410.

2. Жуковская Л.И. Языковое воплощение концепта «менталитет / ментальность» в современном русском языковом сознании (по данным свободного не-

направленного ассоциативного эксперимента) // Мир науки, культуры, образования. 2015. №5 (54). С. 329-333.

3. Радбиль Т.Б. Герой Андрея Платонова как языковая личность (образ Фомы Пухова в «Сокровенном человеке») // Русистика сегодня. №3-4. 1999. С. 66–83.

4. Радбиль Т.Б., Сайгин В.В. Особенности парадигматической и синтагматической реализации концептуального поля «грех» в современном русском языке // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. URL: www.science-education.ru/119-15195 (дата обращения: 27.11.2014).

5. Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В. Проблемы современного медийного словотворчества // Новые тенденции в русском языке начала XXI века: Кол. моногр. / Радбиль Т.Б., Маринова Е.В., Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В., Щеникова Е.В., Виноградов С.Н. М.: Флинта; Наука, 2014. С. 134–221.

6. Сайгин В.В. Когнитивные признаки и языковая экспликация концепта «грех» в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Киров, 2013. 196 с.

7. Сайгин В.В. Концептуальное поле «грех» в пространстве русской культуры: опыт комплексного лингвокогнитивного описания: Монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2015. 258 с.